

—

Едва войдя во двор, Жэньлань была привлечена гранатовым деревом. Огненно-красные цветы граната украшали пышные зелёные ветви, среди которых прятались несколько крошечных плодов. Мох под деревом радовал глаз, нежно принимая время от времени опадающие с ветвей лепестки.

В углу бесшумно бил источник, и круги ряби заставляли вообразить резвящихся рыбок. Ивы склонялись к воде, такие же тихие и мягкие, как человек, сидящий под деревом и читающий книгу.

Люй Фэй, которая бросала корм рыбкам, подняла голову и, увидев Жэньлань с двумя служанками, стоящих напротив маленького пруда, поспешно встала и с улыбкой сказала: «Госпожа пришла?»

Фу Мин, услышав это, тоже поднял голову, встал и приветствовал: «На улице жарко, сестра Жэньлань, заходи в дом, присядь».

Жэньлань, входя с ними в дом, смеялась: «Хотя на улице жарко, во дворе брата Мина очень прохладно».

Служанка подняла бамбуковую занавеску от солнца, и Жэньлань, войдя в комнату, окинула её взглядом и добавила: «Янь-эр говорил, что комната брата Мина — это пещера бессмертных, и, глядя на неё, это действительно так. Не говоря уже о другом, мне сразу же безумно понравилась эта ширма. Почему я раньше не знала, что у нас в поместье есть такие хорошие вещи?»

Фу Мин, видя, что Жэньлань говорит дружелюбно и непринуждённо, не стал церемониться и сказал: «Ширма действительно из нашего дома, а рисунок на ней нарисовал я».

«Вот как, брат Мина отличный художник. Я вижу на этой картине переход от узкого к широкому, и это вызывает чувство внезапного озарения. Она очень уместна здесь и действительно освежает дух».

Жэньлань было уже больше десяти лет, но она все еще была ребенком, поэтому Фу Мин был немного удивлен, что она могла говорить с такой признательностью. Он видел, как взгляд Жэньлань задерживался на ширме, и, скрепя сердце, с улыбкой сказал: «Если сестре Жэньлань нравится, эта ширма будет тебе подарком».

Жэньлань слегка опешила, затем покачала головой: «Хотя мне нравится, я всё же думаю, что она должна стоять именно здесь, в этой комнате. В моей девичьей комнате не поместятся такие высокие горы и текущие воды».

Эта девушка обладала таким же характером, как и их маленький господин Чжаоянь: как бы сильно ей что-то ни нравилось, она не забирала чужое. Фу Мин подумал, что семейное воспитание семьи Цзинь было на самом деле неплохим, иначе они не смогли бы воспитать таких детей с таким широким кругозором.

Но Жэньлань не собиралась упускать мастерство Фу Мина, поэтому она улыбнулась и сказала: «Если у брата Мина будет время, не мог бы он нарисовать ещё одну ширму для Жэньлань?»

Великодушная, прямолинейная, без жеманства — это тоже можно считать признаком хорошего воспитания?

Впрочем, даже если бы Жэньлань не сказала, у Фу Мина были такие планы. С тех пор как он вышел замуж и вошёл в семью Цзинь, лишь немногие искренне общались с ним. Если будет возможность, он хотел бы завоевать расположение своих номинальных родственников, чтобы они стали настоящей семьёй. Поэтому он ответил:

«Конечно, можно».

Услышав, как Фу Мин так быстро согласился, Жэньлань с улыбкой поблагодарила его и сказала: «Брат Мин, Жэньлань пришла сюда с одной просьбой».

«Прошу».

«Мне очень понравились те вещи, что брат Мин принёс мне в прошлый раз, когда был на улице. Раньше я тоже просила людей приносить мне всякие безделушки извне, но ни одна из них мне не понравилась. У брата Мина отличный вкус, поэтому, если брат Мин в следующий раз пойдёт куда-нибудь, не мог бы он выбрать что-нибудь ещё для Жэньлань?»

Фу Мин кивнул в знак согласия.

«Тогда эти деньги, брат Мин, возьми сначала. Если всё потратишь, я пришлю ещё», — Жэньлань взяла мешочек с мелочью из рук Цай Жуй и передала Фу Мину.

«Мелкие безделушки, они не очень ценны».

Фу Мин не взял, но Жэньлань настаивала: «Один-два раза — ничего, но я надеюсь, что брат Мин сможет приносить мне больше. Если брат Мин не возьмёт, то и Жэньлань в следующий раз не сможет принять подарки от брата Мина».

Фу Мин понял и узнал характер Жэньлань, поэтому принял мешочек с деньгами из её рук.

Жэньлань обрадовалась и засмеялась: «Так-то лучше. Хотя сейчас женщины тоже могут выходить, но в нашем поместье всегда было правило, что женщины не могут без дела ходить на рынок. Поэтому я и попросила брата Мина».

Он слышал, что это правило установила старая госпожа, и Фу Мин тоже об этом знал. Хотя ему было немного жаль Жэньлань, её отношение было обычным, и он не стал опрометчиво судить.

Когда они вдвоём, не зная, что ещё сказать, почувствовали лёгкую неловкость, подошла Вань Лань с фруктовой тарелкой и, взяв мешочек с деньгами из рук Фу Мина, с улыбкой спросила, глядя на вышивку: «Это вы сами вышивали, госпожа? Какой необычный и изысканный узор, невероятное мастерство!»

Жэньлань ответила: «Мне нечего делать, поэтому я готова потратить на это некоторое время».

Фу Мин сказал: «Моя служанка очень увлекается вышивкой».

Жэньлань спросила имя Вань Лань и только тогда обнаружила, что имена обеих содержат иероглиф «лань». Хотя у неё было такое же имя, как у служанки, она не рассердилась, а наоборот, очень обрадовалась и договорилась с Вань Лань встретиться как-нибудь, чтобы вместе заняться рукоделием.

Вскоре пришёл и Чжаоянь. Двор Фан Мань Тин стал необыкновенно оживлённым, и только к заходу солнца Жэньлань взяла Чжаояня за руку, и они вместе в добром расположении духа отправились ужинать к старой госпоже.

По дороге Чжаоянь спросил Жэньлань: «Тётушка, ты теперь тоже будешь часто ходить в Фан Мань Тин?»

Жэньлань с лёгким сожалением ответила: «Хотя брат Мин — супруг старшего брата, но он всё же мужчина, и тётушка не может часто туда ходить».

Чжаоянь с недовольством промычал «о».

Жэньлань снова с улыбкой поддразнила его: «Хотя тётушка не может часто ходить в Фан Мань Тин, но Янь-эр может часто приходить играть к тётушке. Янь-эр в последнее время совсем не приходил, ты совсем забыл тётушку из-за дяди, тётушка очень опечалена!»

Янь-эр подумал и ответил: «Тогда в будущем Янь-эр будет один день ходить к дяде Мину, а один день приходить к тётушке, хорошо?»

«Хорошо, хорошо, хорошо!» — с улыбкой ответила Жэньлань. «Наш Янь-эр такой хороший мальчик».

...Они смеялись и болтали, пока не пришли в комнату старой госпожи. Старушка, видя их счастливый и нежный вид, тоже очень обрадовалась, спросила, откуда они пришли, и, узнав, что из двора Фан Мань Тин, больше ничего не сказала. Только на следующий день послала пригласить Фу Мина на чай и закуски.

Вернувшись из двора старой госпожи в свой двор, Люй Фэй улыбнулась: «Хотя старая госпожа сегодня по-прежнему не была очень ласкова, это тоже хороший знак».

Вань Лань сказала: «С таким прекрасным характером наш Гунцзы со временем обязательно ещё больше понравится старой госпоже».

Фу Мин хотел сказать, что он не женщина, и ему не нужно добиваться расположения, но, подумав о своём положении, он больше ничего не сказал. По крайней мере, если глава семьи ценит его, то и окружающим не придётся жить в постоянном страхе, верно?

Перед следующей поездкой Фу Мин успел доделать ширму для Жэньлань. На этот раз он нарисовал набор из четырёх картин, изображающих течение времени: весна, лето, осень, зима, а затем, оглянувшись назад, снова весна. Цвета были простыми, постепенно меняющимися, это не было очевидной сменой времён года, а скорее тонкое отображение времени. В углу он написал стих:

Все существа, наблюдая в тишине, находят своё счастье;

Радость четырёх сезонов разделяется с людьми.

Жэньлань была в восторге и сразу же поставила её в своей комнате.

А тем временем, после долгого дождя, лето было в самом разгаре.

Фу Мин снова вышел из дома с Бай Хуа.

На этот раз они вышли рано утром, солнце ещё не поднялось высоко, и роса всё ещё лежала на

траве. Улица уже была оживлённой: продавцы лапши, всевозможных булочек, свежих фруктов, овощей и морепродуктов первыми начали кричать, их голоса переплетались, не умолкая, наполняя утренний рынок жизнью и начиная бурный день.

Фу Мин останавливался у каждой лавки на некоторое время, покупая много порций завтрака: бобовую кашу, паровые лепёшки, сочную выпечку, жареную куриную лапшу, жареные фрукты, четырехцветные паровые булочки и т. д. Бай Хуа нёс две полные руки, и Фу Мин тоже не был с пустыми руками. Вдвоём они несли аромат еды и в прохладном утреннем ветерке отправились в Приют для сирот.

В Приюте для сирот ещё не начинался завтрак, дети занимались во дворе, пинали ногами и отрабатывали удары кулаками. Увидев Фу Мина, они со всех сторон окружили его. К счастью, еда, которую он нёс, помогла Фу Мину выбраться из толпы.

После завтрака Фу Мин целый час читал детям «Классики тысячи иероглифов», объясняя им истории из «чернила оплакивают окрашивание шелка, стихи восхваляют ягнят». Он просто простым языком объяснил детям значение этих двух фраз, но не стал, подражая строгому отцу, использовать это как возможность учить детей, как они должны себя вести. Дети в Приюте для сирот в основном были брошенными с рождения девочками или детьми с ограниченными возможностями, и им предстояло жить намного труднее. Отец Фу Мина был одним из самых удачливых среди них, но и он не был особо счастливым, а что случилось с его многочисленными друзьями детства потом? Будущее невозможно контролировать, и всё, что он мог сделать, — это заботиться о них сейчас и давать им, возможно, бесполезные благословения.

Сунь Цзанъюн принял Фу Мина в своей комнате на обед, а после обеда сам приготовил для него чай.

Чёрная чашка, белый чай, словно огромный горный пейзаж, поместившийся в одном квадрате. Заваренный чай пах слабо, на вкус был сначала горьким, потом сладким, послевкусие и аромат оставались надолго. На этот раз наконец-то исполнилось давно лелеемое желание Фу Мина.

Когда они вышли из приюта, было ещё рано, и Фу Мин предложил прогуляться, прежде чем вернуться. Бай Хуа, естественно, не возражал.

Они вышли на рынок. Хотя погода была жаркой, это несколько не влияло на энтузиазм торговцев и лавочников. Тележки с ледяными напитками из имбиря, холодными личи, напитками для улучшения пищеварения, напитками из периллы и другими холодными напитками сновали среди толпы, пользуясь огромной популярностью. Фу Мин купил две чаши холодного личи с льдом, которые выглядели так же, как и назывались: изящные и прозрачные. В белых фарфоровых чашах был колотый лёд, а также кусочки вяленой сливы и имбирный сок для придания вкуса. Держа их в руках, они почувствовали, как изнутри распространяется прохлада, а слюна выделялась под языком. Бай Хуа получил одну чашу и быстро выпил её, восклицая, как вкусно. Хотя такие напитки можно было купить и в обычные дни, но от господина они казались особенно освежающими.

Допив свой холодный напиток, Фу Мин прогуливался по обочине дороги и заметил магазин игрушек, который, как ему показалось, процветал, поэтому он решил зайти и заглянуть туда, надеясь выбрать какие-нибудь интересные вещицы для Жэньлань и Чжаояня.

В магазине было довольно много покупателей, и продавцы были немного заняты. Почти одновременно с Фу Мином вошла девушка лет четырнадцати-пятнадцати со служанкой и

охранником. Продавец, который вышел навстречу, не знал, кого приветствовать первым. Фу Мин сделал приглашающий жест, и продавец с энтузиазмом начал обслуживать ту девушку. Девушка кивнула Фу Мину и улыбнулась в знак благодарности, затем последовала за продавцом, а Фу Мин стал сам осматривать и выбирать.

В магазине было много предметов, но они были аккуратно расставлены: имитации ножей, копий, тарелок, горшков, а также шахматы, подвесные львы и леопарды, марионетки на палочках, плавающие на воде игрушки, цветочные тыквы, проросшие семена и так далее. Всё это было настолько разнообразно, что привлекало внимание и заставляло задержаться.

Девушка, рассматривая цветочную тыкву под рассказы продавца, вдруг услышала чей-то шёпот: «Это не Фу Гунцзы ли? Давно его не видели на улице!»

«Какой Фу Гунцзы?»

«Какой ещё? Племянник министра Фу, который вышел замуж за сына герцога Суй».

...

Положив цветочную тыкву, девушка жестом попросила продавца обслужить новых покупателей, а сама обернулась и как бы невзначай подошла к Фу Мину, тихо сказав: «Так это и есть тот самый знаменитый Фу Гунцзы».

Фу Мин не знал, как она его узнала, и кто она такая, лишь слегка улыбнулся и ответил: «Именно так».

Девушка же холодно усмехнулась: «Мужчина любит эти игрушки для девочек и детей?»

Тон и слова были крайне невежливыми. Фу Мин почувствовал, что она настроена враждебно, поэтому больше ничего не сказал, отошёл на несколько шагов, не желая с ней связываться.

Неожиданно девушка отказалась отпускать Фу Мина и сама взяла на себя инициативу подойти: «Что, стыдно стало? Хотя ты теперь замужем и тебе не нужно брать на себя те же обязанности, что и мужчина, как ты можешь игнорировать репутацию семьи своего мужа и ходить туда-сюда по таким местам? Если ты сам опозоришься, это ещё ладно, ведь твоя репутация всегда была неважной, но как ты позволишь посторонним смотреть на зятя, на семью Цзинь? Если бы моя сестра была жива, у тебя не было бы места в поместье Цзинь!»

«Зять? Сестра?» Фу Мин подумал и понял, что эта девушка, вероятно, родственница покойной жены Цзинь И. Действительно ли она ратует за справедливость для семьи Цзинь и своей сестры, или у неё есть другие мотивы?

Поскольку она была связана родственными узами, Фу Мин всё же добавил: «Спасибо за напоминание, госпожа. Однако, хотя игрушки чаще всего нравятся женщинам и детям, некоторые мелочи тоже не так просты. И кроме того, не стоит недооценивать вкус женщин и детей». Сказав это, Фу Мин взял две-три понравившиеся ему вещи и пошёл, чтобы расплатиться.

Таким образом, желание гулять пропало, чтобы не встретить снова ту госпожу Чжоу, которая была очень недовольна им.

Фу Мин и Бай Хуа отправились домой. Пройдя через мост Хонг, где толпились люди, они прошли немного вдоль поросшего ивами берега реки и слышали доносящиеся звуки флейты и

песен. Фу Мин поднял голову, посмотрел в сторону звука и увидел на верхнем этаже кого-то, кто, опираясь на перила, смотрел в его сторону. Силуэт был знакомым. Увидев, что Фу Мин смотрит, человек помахал рукой, Фу Мин улыбнулся и тоже помахал. Но он не стал останавливаться, а направился прямо в поместье Цзинь.

—

Примечание автора:

«Все существа, наблюдая в тишине, находят своё счастье; радость четырёх сезонов разделяется с людьми». — Чэн Хао «Случайная встреча осенним днём»

—

<http://bllate.org/book/12585/1118412>